РАЗДЕЛ I. ФИЛОЛОГИЯ

Абаева Ф.О.

О народно-обрядовой лексике (сравнительный аспект)

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им.
В.И. Абаева – филиал ФГБУ науки Федерального научного центра «Владикавказский
научный центр Российской академии наук»
(Россия, Владикавказ)

doi: 10.18411/spc-26-11-2017-01

idsp: 000001:spc-26-11-2017-01

В данной статье подробно исследуются и анализируются обрядовые термины осетин и кумыков, связанные со свадьбой. Отдельное внимание уделяется интерпретации их семантики в контексте обрядовой реальности. Соотношение между реалией и термином рассматривается без отрыва от самого обрядового действия. Главным образом применяется сравнительно-сопоставительный метод.

Обрядовая реалья, обладая этноспецифичностью, способна передавать мировоззрение, картину мира того народа, которому принадлежит, т.е. выполняет транслирующую функцию, а национально-культурные характеристики языковых единиц, а прежде всего слова (лексемы) как комплексной единицы языка и культуры предопределяют актуальность изучения явлений языка в соотнесенности с культурообразующей функцией. Воздействие мировоззрения народа на его обычаи, традиции, верования определяют, в свою очередь, способы и приёмы исполняемых действий, составляя его духовную и материальную культуры. Знания, которые копились народом, облачаются в символы и аллегории.

Яркими примерами являются обряды, традиции и ритуалы, связанные со свадьбой. Сопоставление обрядовой терминологии в разноструктурных языках позволяет выделить особенности этнической специфичности и определить ментальные характеристики исследуемых народов, что представляет собой этноспецифический способ актуализации культурно-исторического опыта через язык, позволяя тем самым интерпретировать обрядовую лексику и терминологию как этнокультурный семантический компонент, отличающий и дифференцирующий системы языкового мировосприятия двух различных этносов.

Известно, что степень близости и сходства обрядово-ритуальной и духовно-культурной жизни народов Северного Кавказа (осетин, адыгов, балкарцев, карачаевцев, вайнахов, а также грузин) и кумыков более значительна по сравнению с остальными этносами Дагестана.

Центральными фигурами свадебного обряда и у осетин, и у кумыков, являются жених и невеста; термины, их обозначающие: кумыкский (далее – кумык.) *гелин невеста* и *гиев жених*, осетинский (далее – осет.) *чындз невеста* и *усгур жених*.

Специфика обрядовой терминологии заключается в наличии у неё мотивационных признаков. Наиболее характерные для свадебной лексики мотивации: а) по действию: кумык. *суггъа чыгъыв* обряд хождения за водой, *дёнкюллей бармакъ* (или *гетмек*) идти первый раз после свадьбы в гости к своим родителям (о невесте); осет. *курæг æрвитын сватать*, *чындзы æрдзурын кæнын*, букв. заставить заговорить невесту; б) по самой реалии, внешнему признаку: кумык. *опуракъ приданое невесты* (букв. наряд, одежда), *тепси поднос со сладостями* (приносили на второй день свадьбы невесте гости и родственники жениха) – обряд; осет. *хъайла æмæ хæбизджын* обряд угощения зятя яичницей (букв. яичница и пирог с сыром); *чындзы чырын приданое* (букв. невестин сундук); в) по действующему лицу, участнику: кумык.

къыз той свадьба (пирушка) по случаю помолвки, осет. **чындзхаст** свадьба в доме невесты; г) по темпоральному признаку: осет. **чындзæхсæв**, букв. невестина ночь; **чындзæхсæвы куывд**, букв. свадебный пир-молитва; **чындзы фыццаг райсом** первое утро невесты, **чындзы фыццаг æртæ райсомы** первые три утра невестки д) по месту: кумык. **гиев тюшген уый** дом, где пребывает жених во время свадьбы; осет. **чындзы сæрыздæды бынмæ бакæнын** обряд подведения невесты к опорному священному столбу в доме жениха; е) по возрасту: кумык. **баиш къула** главный сват, **абай къатын** женицина (старшая) сопровождающая невесту в дом жениха (в день свадьбы); осет. **уазджыты хистæр** старший среди гостей (о тех, кто приехал за невестой), **фысымты хистæр** старший среди хозяев (о тех, кто отдаёт дочь замуж); ж) по числовому признаку: осет. **минавæртты фыццаг æрбацыд** первый приход сватов (обряд), **чындзы фыццаг аходæн** первый завтрак невестки (обрядово-оформленное действие).

Обрядовые свадебные тексты и кумыков, и осетин обладают значимым признаком обрядовой брачной терминологической системы – это частотное и максимальное использование одной основы (как правило, производящей) для обозначения различных компонентов обряда. Например, кумык. **гелинге акъча чачмакъ** осыпать невесту деньгами (при появлении жениха во время свадьбы); **гелинни чубулдурукъ** полог невесты; **гелинни беземек** наряжать невесту; **гиевню де гелинни де йыр булан къаршыламакъ** обряд величания жениха с невестой – перечисленные термины кумыкского свадебного обряда имеют одну основу – **гелин** невеста. Например, осет. **чызггур** жених, **чызгæрвыст** свадьба – производящим словом в данных терминах является **чызг** девушка; **ус æрхæссын** жениться, **усаг** невеста, **усгур** жених, **усджын** женатый, **усракуыр** женитьба – производящее слово **ус** жена (женицина).

Обрядовые термины свадебного церемониала могут иметь различную структуру. По числу компонентов выделяются: а) термины-слова (с одной основой): кумык. **гелин** невеста, **ги** жених; осет. **чегъре** распорядитель свадебных танцев, **хонæг** приглашающий на свадьбу (персонажи); б) однословные термины, образованные сложением основ и имеющие слитное или дефисное написание: кумык. **гиевнёгер** распорядитель в свадебной церемонии со стороны жениха), **гиевнёгерлер** верховые, сопровождающие невесту при перевозе её в дом жениха, **къудакъыз** подружка невесты на свадьбе; **къурдаиш** дружок жениха; **къайын-къуда** сватья; осет. **чызгæрвитджытæ** гости на свадьбе в доме невесты (букв. отправляющие невесту), **чындзыцæуæг** просватанная (букв. идущая замуж), **чызг-чындз** засватанная девушка (букв. девушка-невеста), **чызггур** жених (букв. просящий девушку); в) термины-словосочетания: кумык. **эрни атасы свёкор**, **бет ачмакъ** открыть лицо невесты, обряд снятия покрывала с лица невесты; **къулалай бармакъ** пойти (или поехать) в качестве свата; осет. **чызджыты æхсæв** девичник (букв. ночь девушек), **чындзы хонын** устраивать свадьбу (букв. приглашать невесту), **лавæрттæ дзурын** оглашение подарков, **чындзы къуым** угол невесты, **чындзы дзаумæттæ** приданое.

Обрядовые термины, связанные с браком, также распределяются по их принадлежности к определённому этапу церемониала: а) термины предсвадебного периода, напр., кумык. **гелечилик** сватовство, **къыз тилемек** сватать девушку, **гелешмек** посватать, **гелешиив** помолвка; осет. **фидыд** свадебный сговор, **минавæрттæ** сваты, **мысайнаг** залог, оставляемый в родительском доме засватанной девушки; б) термины собственно-свадебного цикла, напр., кумык. **той** свадьба, **гелин** невеста, **гиев** зять, **къайын ата** свёкор, **гелинни алдын (ёлун)** байламакъ преградить дорогу невесте (по старинному шуточному обычаю, во время свадьбы путь, по которому проезжает невеста, чем-нибудь преграждают, чтобы получить выкуп); осет. **чындзы ног фæлыст кæнын** переодевание невесты в свадебный наряд, **чындзыл разгæмттæ кæнын** одевать невесту в свадебный костюм,

къухылхæцæг шафер невесты со стороны жениха, *æмдзуарджын* кум/сокрестник невесты, *ком* шафер, *чындзы уаты хъазт* танцы в комнате невесты; в) термины послесвадебного этапа, напр., кумык. *атын яшырмакъ* скрывание имени мужа (жены) запрет, *сугъа чыгъыв* обряд хождения за водой, *сеп* приданное, *сепби* приданое, *сеп арбалар* возы с приданым невесты, *къайынлар чакъырыв* приглашение родни невесты в дом жениха; осет. *бабинойнаг кæнын* сделать членом семьи, принять в семью (о женихе), *бабинойнаг уын (уæвын)* стать членом семьи, войти в семью (о невесте), *мойджын/чындз* невестка, *ног чындз* новобрачная, *сиахс* зять, *гуырджын сыф* женское приталенное («замужнее») платье, *чындзы чырын скъахыны фæтк* обряд открытия сундука с подарками невесты (букв. вскрыть невестин сундук), *хуындаеджы бадын* жить у родителей или родных замужней женщине (букв. сидение в гостях).

Одно из наиболее интересных обнаруженных нами схождений – практически идентичный обычай, имевший место еще в недавнем прошлом у южных кумыков и у южных осетин. Так, у кумыков: «на арбе, где сидела невеста, обязательно должна была гореть *лампа*, которую держала первая подруга невесты – «*баи къудакъыз*». Войдя в комнату, последняя продолжала держать лампу до тех пор, пока за неё не заплатят выкуп. Затем передавала её одному из родственников жениха, который ставил её на подоконник или на специально предназначенную для этой цели подставку у стены, но обязательно в комнате, где размещалась невеста» [Алимова, 1989:57]. У осетин: дружка нёс зеркало перед невестой, когда её выводили из отчего дома *чындзы йæ хæдзарæй рахуынд* («*Комтæй иу чындзы разæй айдæн хæссы*. Один из дружек несёт **зеркало** перед невестой» [Габараев, 2010:426]). *Æмдзуарджын* кум нёс зажжённую **свечу** *цырагъ* перед невестой. Таким образом, схождение происходит в большей степени на уровне семантики и символики представленных ритуалов. Предполагается, что *лампа* (кумыки), *свеча* (южные осетины), *зеркало* (северные осетины) – это неотъемлемые компоненты обрядового свадебного текста. Все они эмануруют солнечный свет и соотносятся с древнейшим солнечным культом, напрямую связанным со свадебным обрядом. Необходимая условность нести зеркало перед невестой с целью отвращения злых сил являлась знаком уважения к роду невесты. Это символическая трактовка зеркала как отражателя потустороннего мира, данного обряда: отражаясь в зеркале, невеста как лиминальный персонаж могла не «заблудиться» в «другом» мире и благополучно совершить переход, «возродившись» в статусе жены. Схождения в символическом прочтении обрядового термина, соотнесённого с реальией, обозначаемой им, на наш взгляд, в полной мере воплощаются в концепте *мёд* (кумык. *бал*, осет. *мыд*) в обрядах кумыков и осетин.

Например, у кумыков: «невесту приводили в отведённую для неё комнату, перед входом в которую ей давали попробовать мёд. Обмакнув руку в мёд, оставляли отпечатки её пальцев над дверью. У входа в комнату обязательно стелили какое-нибудь шёлковое полотно или коврик. Назывался этот обряд «*эн яя*» (расстлать материну). Полотно, коврик отдавали затем *къуда къатын*. Мёд, шёлк, коврик, полотно, по представлениям кумыков, должны были символизировать изобилие, благополучие, мир в этом доме. В свою очередь, невеста с собой приносила шербет, который вначале пробовала самая благополучная родственница жениха, затем остальные» [Алимова, 1989:56]. Свадебный обряд осетин, в котором концепт *мёд* является доминирующим в семантическом плане, называется *мыды къус* смесь *мёда с топлёным маслом* (букв. чаша с мёдом). Невеста угощала этой смесью свекровь и других женщин, смазывала кончики обуви свекрови (локально), чашу затем юноши выхватывали её из рук невесты.

Несомненно, в обрядах кумыков и осетин, связанных с мёдом, главный символический признак данной реалии связан с симпатической магией. Вкусовые (*сладость*) и цветовые (*жёлтый*) признаки мёда и масла переносились на людей, на их

жизнь. Так, мёд символизировал *достаток* будущей семейной жизни новой семьи, их добрые отношения друг с другом. Более важным символом мёда в свадебном церемониале как обряде перехода для нас является то, что с ним «связывают *возрождение* или *перемены личности* после инициации» [Кирло, 2010:266]. Обряд, связанный с мёдом, и у кумыков, и у осетин совершался сразу после обряда снятия фаты, когда невеста уже переходила в статус новобрачной замужней женщины.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ обрядовой свадебной лексики и терминологии осетин и кумыков позволил нам определить общие и различительные признаки в структурно-типологическом плане. Семантическим центром обрядовой свадебной терминосистемы обоих народов являются центральные персонажи: кумык. *гелин невеста*, *гиев жених*; осет. *чындз невеста*, *усгур жених*, а с точки зрения субъектно-объектных отношений, – всё с ними происходящее.

Итак, как исходит из проанализированного материала, обрядовая терминология – это система терминов, отображающих парадигматику обрядовых актов (действий), участников обряда, предметов, сопровождающих конкретный этап обрядовых реалий. Наличие схожих (часто – идентичных) понятий и реалий обоснуем общим территориальным положением исследуемых народов, схожестью их быта и духовно-ритуальной жизни.

1. Абаева Ф.О. Обрядовый свадебный текст осетин (лексика, семантика, символика): монография. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2013. – 251 с.
2. Алимова Б.М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем. – Махачкала, 1989. – 112 с.
3. Дауева Т.Т. Регулирование общественных отношений осетин в XIX - начале XX вв. // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2016. № 15. С. 153-157.
4. Сокаева Д.В., Канукова З.В., Марзоев И.Б.Т., Дзапарова Е.Б., Дзлиева Д.М. Комплексная экспедиция по изучению осетинской диаспоры в Турции // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1 (82). С. 200-206.
5. Бамматов Б.Г., Гаджихмедов Н.Э. Кумыкско-русский словарь. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. – 523 с.
6. Русско-кумыкский словарь. / Под ред. З.З. Бамматова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960. – 1148 с.

Баскакова Е.А., Галян С.В.

Лирический цикл: теоретический аспект изучения

*Сургутский государственный педагогический университет
(Россия, Сургут)*

doi: 10.18411/spc-26-11-2017-02

idsp: 000001:spc-26-11-2017-02

В литературоведении вопрос о том, что именно включает в себя понятие «лирический цикл» не считается решённым окончательно, несмотря на множество исследований, посвящённых этой теме (Пепеляева Е.В. «Исследовательская циклизация лирики как теоретическая проблема», Дарвин М.Н. «Проблема цикла в изучении лирики», Ляпина Л.Е. «Жанровая специфика литературного цикла как проблема исторической поэтики» и др.), об этом свидетельствует и сборник статей «Европейский лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение», вышедший в 2003 году, и многочисленные, но противоречивые определения в словарях литературоведческих терминов.

Вопрос о лирическом цикле берёт своё начало в 1920-е годы, когда возникает необходимость решения проблем текстологии и критики поэтических текстов (работы Г.О. Винокура, где утверждается, что цикл – это особая художественная форма). Хотя само слово существовало и ранее, его не применяли в литературоведении. Долгое время такого рода формы именовали «особыми поэмами» или «лирическими